

ЧАСТЬ III ЭТНОГРАФИЯ *ДЖАТИ*

Глава 5 ЭТНОКАСТОВЫЕ ОБЩНОСТИ — САНСКРИТИЗИРОВАННЫЕ ЭТНОСЫ

В ходе санскритизации разнородные этносы Южной Азии составились в мозаичное кастовое общество. Под определяющим влиянием идеологии брахманизма-индуизма на этнокультурные и социальные процессы синполитейная первобытность Южно-азиатского субконтинента превратилась в кастовый строй, а общинно-клановые структуры и этнические общности преобразовались во множество капсулированных *джати* и этнокастовых общностей. Санскритизация оказалась инструментом социально-моделирующего влияния государственности (олицетворяемой брахманами, кшатриями и представленной «государствами дхармы») и управляемого этногенеза, который привел к консолидации общинно-клановых структур во множество этноспецифичных *джати*, каждая из которых культивирует и акцентирует свою идентичность, тщательно поддерживая комплекс культурных особенностей *свадхарма*. Организация *джати* — это мириады «уникальных, заметно отличающихся от остальных» социальных общностей, основанных на вполне реальных связях родства и обладающих этничностью; при этом *джати* имеют жестко закрепленные тем же адресным религиозным наставлением социальные роли и обязанности в общественном разделении труда. *Джати*

можно определить как эссенциальную форму этнической консолидации и как базовую структурную единицу индийской традиционной социальной организации. Принцип *свадхарма* позволяет этнокастовым компонентам общества зафиксировать (в момент санскритизации) и в дальнейшем сохранять и развивать свою этническую идентичность. В результате при кастовом строе наблюдается консервация и воспроизводство этнокультурной множественности.

Индостан превратился в своеобразный историко-культурный заповедник, где можно встретить огромный спектр этнокультурных особенностей, в частности разных моделей социального развития, в их буквально «законсервированном» с помощью кастовой капсуляции виде. Этнокастовый состав населения не меняется столетиями. Во время осуществления грандиозного проекта «Народ Индии» (1985–1996) Антропологическая служба Индии выделила 349 видов занятий и 776 культурных особенностей, придающих индийским «общинам» (то есть кастовым, лингвистическим, конфессиональным общностям и племенам) индивидуальную идентичность. Количество «общин» достигает 4635 [Singh 1992–1996: 1, 2–6]. В сущности, в этих обзорных исследованиях представлен этнокастовый состав населения Индии. К сожалению, эклектичность теоретических разработок, положенных в основу указанного государственного проекта (равными по значимости в этой тысяче параметров идентичности признаются родной язык, территория расселения, татуировка мужская и татуировка женская), оставляет без внимания специалистов некоторые интересные и сложные вопросы, в частности соотношение этнической и кастовой идентичностей.

Понятие «этнокастовая общность».

Забота о сохранении «природной сущности» каждой *джати* в череде поколений, о ее неприкосновенности и неосквернении в контактах с посторонними идеологизирована и даже сакрализована, и она вызывает к жизни целый комплекс охранительных мер, которые объективно способствуют консервации этнических начал этих *джати*. Сохраняется хозяйственно-культурный тип, верифицируются добрахманические культы и брачные обычаи. Инкорпорированные в кастовое общество этнические общности выглядят сегодня по-разному. Среди них есть легко определяемые вчерашние племена — *гадди* (*Gaddī*) и др., многокомпонентные

«надкастовые общности» *джат* (Jāt), *коли* (Koḷī) и др.; многие оказались в положении «неприкасаемых», как *ченчу* (Chenchu), другие на законных основаниях считаются кшатриями — *раджпут* (Rājput), *маратха* (Marāthā) — или претендуют на статус кшатриев, как *радж-гонды* (Rāj Goṇḍ) или *бхилы* (Bhīl); иные, например музыканты и бродячие артисты *банджара* (Banjāra), лишь время от времени посещают деревни кастового общества и не имеют конкретного статуса. В период колониальной административной регистрации многие из этих общностей были квалифицированы как «этнические», «племенные», «бродячие», «мародерские» и тому подобные «не связанные с конкретной профессией» касты.

Среди океана обладающих этнической спецификой *джати* выделяются острова и даже целые материки крупных (насчитывающих сотни тысяч и даже десятки миллионов человек), нечетко структурированных, нестандартных во всех отношениях кастовых образований, состоящих из множества компонентов. Они отличаются выраженной групповой самоидентификацией, скорее этнической, чем кастовой, и особенной внутренней сложностью: входящие в них *джати* обладают разным кастовым статусом (там есть свои гончары, ткачи, земледельцы, кузнецы, какие-то небрахманические жрецы и т. д.), а их эклектичный состав заставляет говорить о «надкастовом» характере общности. Они регистрируются практически повсеместно, во множестве описаны в словарях каст и племен (которые потому так и называются!), но сам термин в англоязычной литературе не встречается. Наверное, потому, что изначально в исследованиях по касте создалась терминологическая путаница и термины «caste», «tribe», «race», «clan», «sept» на протяжении десятилетий применялись вполне бессистемно, как полностью взаимозаменяемые. Но совершенно очевидно, что они не могут однозначно считаться кастами. Иногда их называют «надкастовые общности» [Кудрявцев 1992: 30, 35–42], суперкасты или кластеры каст [Mandelbaum 1970: 1, 19], но подобные определения не отражают сущности феномена, правильное название которого, как мне представляется, «**этнокастовая общность**» (ЭКО).

Этнокастовые общности являются структурными компонентами кастового общества и так или иначе учитываются в этническом составе населения Индии. В их числе особенно заметны раджпуты (Rājput), маратхи (Marāthā), *веллала* (Vellāla), *наяр*–

намбудири (Nāyar–Nambūtīri). Они выглядят как крупные, неправильные, многокомпонентные комплексы *джати* с нечеткой внутренней структурой и «плавающим» статусом, который может быть выражен только очень общим варновым термином.

Этнокастовые общности — это прошедшие санскритизацию племена, осколки племен или крупные племенные союзы, результат аккультурации и социализации в кастовом обществе пришлых и автохтонных этнических элементов, изначально не входивших в кастовое общество. Этнокастовые общности формируются в процессе аккультурации и социализации в кастовом обществе этносов, обладавших высокой степенью консолидации и вполне субстантивированных к началу своего вхождения в него. Многие из них «надели» на себя кастовую форму на сравнительно позднем этапе общественного развития, будучи внутренне стратифицированными, поэтому представляют собой существующие многие столетия крупные конгломератные ЭКО и содержат в своем составе *джати* разной профессиональной специализации (от собственных жрецов племенных культов до гончаров и похоронных служек), но есть и малые ЭКО, состоящие из нескольких связанных брачными отношениями клановых общин, находящихся в процессе вхождения в статусные схемы кастовой организации. Этнокастовая общность представляет собой характерную модель этнического развития в условиях кастового строя: она обладает особенностями территориально консолидированного этнического образования и входит в экстерриториальную статусную систему варн.

В целях налаживания системных взаимоотношений со своими кастовыми соседями ЭКО принимают внешние признаки кастовых общностей, то есть капсулируются, не смешиваются в браках с чужаками (или смешиваются по особым правилам) и одновременно выстраивают регламентированные «валентные связи» для сотрудничества с этими же чужаками в экономической сфере. Благодаря капсуляции и строгой регламентации внешних контактов они сохраняют свой неприкосновенный внутренний мир и обычаи, которые часто отличаются от нормативных, санскритских, правил жизни, специфику хозяйственной деятельности и бытового жизнеустройства, а их подразделения строят социальные связи и систему жизнеобеспечения по своим особым, «некультурным» небрахманическим правилам (например, живут матрилокальными общинами, практикуют дислокальный брак

или хоронят, а не кремируют своих мертвых). Они приобрели свой неоднозначный характер и вид под влиянием кастовой идеологии брахманизма-индуизма: имея выраженный «богоданный образ жизни», этносы в кастовой среде имеют все шансы восприниматься как отдельные *джати* с индивидуальной *свадхармой* («их такими создал Брахман»). Под влиянием этнических объединяющих начал «внутри себя» они демонстрируют меньшую степень капсуляции своих *джати*. Например, часто встречается сложная система гипергамии, которая говорит о тенденции к нерегламентированному смешению экзогамных компонентов и вследствие этого к внутренней однородности самой общности. Гипергамия приводит к открытости границы общности снизу. Одновременно на высших уровнях иерархии формируется слой избыточного женского населения, социальной функцией которого становится поддержание рафинированной ритуальной «чистоты», придающей высокий кастовый статус всей общности.

Для ЭКО характерно обладание компактной этнической территорией, наличие собственной, небрахманической, влиятельной жреческой и бывшей правящей элиты и в большинстве случаев исторических традиций государственности. ЭКО не безропотны и оспаривают вердикт брахманов о степени своей культурности, бережно хранят свою историю и лелеют память о «свободе от брахманов». Их стремление к самоопределению не утрачивается и обычно вызывает активные антибрахманические настроения и настойчивое отрицание какой бы то ни было прогрессивности брахманического влияния и санскритизации. Они чувствуют себя достаточно сильными, чтобы диктовать брахманам правила жизни. Этнокастовые общности характеризуются глубокими культурными традициями и яркими достижениями, дали стране многих выдающихся личностей. Так, эталонная ЭКО *раджпут* с самого раннего периода своего существования имела собственную историографию, особенные стили в искусстве, архитектуре, замечательную литературу и фольклор.

Статус ЭКО оценивается в терминах варны, и он коррелирует с хозяйственно-культурным типом этноса на момент санскритизации. Все остальные признаки статуса и социального ранга являются производными от данной базовой оценки. На ранних этапах формирования кастового общества этнокастовые общности абсолютно преобладали в его составе, и поэтому компоненты кастового общества и сегодня воспроизводятся как племена; их было

очень много еще сто лет назад; в наши дни лишь наиболее самодостаточные, обладающие высокоразвитой самобытной культурой, сохранившие свою добрахманическую элиту этнокастовые общности демонстрируют видимые проявления этнического своеобразия. Многие остальные ЭКО вполне нивелировались внешне, сохранив лишь этническое название; в таком случае они числятся в научной литературе под рубрикой «касты этнического происхождения». Но и они, часто неосознанно, в форме выполнения своей *джати-дхармы*, сохраняют отдельные особенности своего добрахманического состояния, подтверждением чему служат многие тысячи страниц, посвященные в научной и справочной литературе описанию культурного своеобразия отдельных каст. Несанскритизированные общности стоят вне варн по признаку своего «дикого» (неокультуренного) на момент брахманической оценки хозяйственно-культурного типа. После этого протестовать бесполезно, можно только санскритизироваться вновь и вновь, налаживая отношения с брахманами; в этом процессе главную роль играет элита заинтересованной структурной единицы кастового общества. На решение задачи могут уйти столетия, и история знает немало случаев безуспешной борьбы за повышение статуса. Сравнительно новая форма общественного признания статуса — административные списки каст (в нынешней терминологии — общин).

Эти тезисы даже не требуют специальных доказательств, если принять концепцию санскритизации, которая объясняет все причины существования ЭКО и механизм сохранения этнокультурного своеобразия через принцип *свадхарма*. Благодаря этим особенностям формирования и воспроизводства кастового строя этнокастовая ситуация в Индии очень красочна и разнообразна.

Этнический характер многих современных *джати* очевиден. Например, в составе населения Гуджарата, история которого восходит к протоиндийской цивилизации, сегодня заметное место занимают общности *варли* (Vārli), *дхедия* (Dheḍiā), *дубла* (Dublā), *каткари* (Kātkaṛī), которые представляют собой доарийский этнический пласт племен охотников и собирателей, говоривших на аустроазиатских языках; они дошли до наших дней в этом своем состоянии и ныне числятся в группе «зарегистрированных» племен и каст, занятия которых варьируют от сбора продуктов леса до батрачества на земле и организации кустарных промыслов. Они, как правило, не имеют собственной земли, а *варли* и сегодня

ведут полубродячий образ жизни. «Некоторые касты, занимающиеся работами на полях, уборкой мусора и подметанием улиц и т. п., имеют названия, которые никак не соотносятся с их занятиями — *дхед* (Dhed), *мала* (Māla), *дом* (Dom), *пана* (Pāṇa). Эти названия не общие для региона и уж тем более для нескольких, как это бывает с кастами ремесленников. В Махараштре «*маратха* (Marāṭhā), *андх* (Āndh) и *мана* (Māṇa) — это земледельцы, названия которых ничего не говорят об их занятиях» [Karve 1961: 39]. Все это названия племен, ставших «сегментированными идентичностями» в составе варн, и они образовались в процессе санскритизации. *Курми* (Kūrmī), «большая каста» в Бихаре, земледельцы и землевладельцы племенного происхождения, много столетий сохраняют за собой этническую территорию. *Кунби* (Kunbī) и *канби* (Kānbī) Западной Индии «тоже занимаются земледелием, хотя они племенного происхождения» [Bhattacharya 1995: 284]. Добавлю — они занимаются земледелием на освоенных ими прежних неудобьях.

Бхар (Bhār) — аустроазиатское земледельческое племя, которое когда-то правил Бихаром и оставило памятники архитектуры — крепости (самая известная из них Раджгир, некогда Раджагриха, столица современника Будды Бимбисары), храмы, дворцы, колодцы, танки для воды, на которых сохранились соответствующие надписи, теперь превратилось в ЭКО безземельных земледельцев-шудр.

Кальвар (Kalwār) — *джати*, которая гонит спирт из цветов дерева *махуа*, имеет низкий статус по причине своего занятия. Она до наших дней занимается сбором этих цветов и иных продуктов леса, единственное изменение — когда не сезон для цветов *махуа*, в деле используется тростниковая патока. *Паси* (Pāsi), которые добывают пальмировый сок *тодди* и делают из него одноименное вино, по причине неизменной востребованности продуктов своего труда сохраняют и занятие, и связанный с ним образ жизни уже тысячу лет. Кстати сказать, это далеко не единственная каста с указанной профессиональной специализацией: изготовители пальмового вина есть везде.

Каста *дом* (Dom), многочисленная в Северной Индии (корзинщики и безземельные сельскохозяйственные работники), имеет этническое происхождение как «племя лесных жителей» [Hutton 1946: 31]. Примеры можно множить до бесконечности, но уже понятно, что данная ситуация является результа-

том брахманического регулирования и действия кастовой идеологии.

Важно отметить, что каждая из подобных джати даже сегодня может быть по своей «титульной» кастовой профессии отнесена к конкретному хозяйственно-культурному типу, что не всегда соответствует действительному уровню ее сегодняшнего социально-экономического развития или нынешнему занятию. Поэтому индийский историк С. Джаясвал, не прибегая к концепции санскритизации, но по сути согласуясь с ней, совершенно обоснованно говорит так: «Чуждые и пограничные группы были инкорпорированы в сеть каст без ущерба для свойственной им внутренней системы родственных отношений, обычаев или системы верований, и они приобрели статус, соразмерный их социально-экономическим условиям» [Jaiswal 2000: 230]. Кастовое общество (в своей основе) представляет собой конгломерат племен и иных этнических общностей, обращенных в кастовые общности и насильственно удерживаемых в прокрустовом ложе своего архаического хозяйственно-культурного типа под видом священности кастовой профессии. Институциональная трансформация «этнос → кастовая общность» нуждается в специальном изучении, и все эти вопросы имеют прямое отношение к концепту санскритизации, к признанию феномена «этнокастовая общность» и принципа *свадхарма* (консервации этнокультурной специфики через религиозные наставления брахманизма-индуизма). Обнаружилось также, что полезным оказывается учение о хозяйственно-культурных типах этносов.

Учение о хозяйственно-культурных типах (ХКТ) народов мира впервые в отечественной этнографии было предложено М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым, развито и дополнено исследованиями С. А. Токарева, Г. Е. Маркова, Б. В. Андрианова и др. Оно оказалось репрезентативным и, судя по всему, отражает базовые законы существования и развития человеческого сообщества, имеющие универсальное значение. И само понятие о ХКТ, и предложенная в науке классификация хозяйственно-культурных типов предоставляют важнейший ключ к пониманию процесса исторического развития этносов. Особенно интересными оказываются эти типологические сопоставления в отношении индийских кастовых общностей. Наверное, не только потому, что концепция ХКТ отражает законы исторического развития человечества, но и потому, что мудрые брахманы со своей стороны эти

законы по-своему поняли и отразили, конечно, в идеологемах кастового строя. Во всяком случае экологическая грамотность традиционной элиты кастового общества — брахманского и небрахманского жречества — не знает себе равных. Брахманическое учение неизменно отдает приоритет адаптивным технологиям хозяйствования и соответственно традиционным типам хозяйственно-культурного развития. В условиях кастового общества этническая культура существует и воспроизводится в очень стесненных обстоятельствах и в глубоко идеологизированных формах. Но хорошо заметно, что экологически обусловленная специфика хозяйственной деятельности компонентов кастового общества выступает одним из структурирующих систему факторов. Она предопределяет характерную для кастовой организации жесткую специализацию каст и *джати* по параметру участия в общественном разделении труда и, что не менее важно, по месту в структуре занятости. Это приводит к профессиональной специализации *джати* и к наследственности профессии соответственно. Причем по характеру этой профессиональной специализации видно, что варновая стратификация консервирует ситуацию первого и второго общественного разделения труда в самой их ранней, недуплицированной форме. Все остальные «узкие специализации» буквально спрятаны внутри базовых хозяйственно-культурных типов.

Статус этнокастовой общности оценивается в терминах варны и прямо коррелирует с ХКТ этноса на момент санскритизации. В этнокультурной модели этнокастовой общности обусловленность варнового статуса особенностями ХКТ этноса является определяющей. Остальные признаки социального ранга — производные от данной базовой оценки. Брахманы как руководители процесса санскритизации сохраняли монополию на высшее место в иерархии за собой. Сегодня мы наблюдаем уникальный, пока не описанный наукой ХКТ индийских брахманов, связанный с вербализованным запретом на физическую работу и ориентированный на жреческую деятельность «учителей и наставников», руководителей жизни. «Титульная» профессия брахманов — жречество, наука и всякий труд, требующий грамотности и интеллектуального развития. В своей неизменной приверженности этому ХКТ брахманы буквально делали историю страны, конструировали кастовый строй с его «природным», «естественным» неравенством и создавали философию и практику индуизма, отвеча-

ющую и на отвлеченные вопросы бытия, и на вопросы житейские. В культивировании своей исключительности и в своем наставническом рвении брахманы регламентировали доступ к грамотности и культуре для остальных варн и разработали для своих целей формирующую кастовый строй общества социальную технологию, которую воспроизводили в своей социальной работе все деривативные дхармические религии. Брахманы — не отдельный народ и не этнокастовая общность, а сложный комплекс жреческих *джати*, с древности структурированный с помощью брахманских *правара* и *готр* в несколько больших кланов и квази-племен.

В эпоху формирования кастового общества среди населения Индии были представлены все основные ХКТ. Но и сегодня, если судить по перечню кастовых занятий, ситуация несколько не изменилась. Конечно, появились многочисленные новые виды хозяйственной деятельности и невиданные прежде профессии, но все они каким-то чудесным образом вписываются в основные ХКТ индийских варн. ХКТ пашенных земледельцев жаркого пояса представлен в Индии прежде всего долговременными традициями рисосеяния во влажных тропиках приморского Юга, в речных долинах Кавери, Годавари и других рек, вокруг которых создалась высокоразвитая культура дравидских земледельческих народов. Культура земледелия в долине Ганга (Хиндустане) и в Пенджабе имеет свою специфику, но также с древности относится к пашенному типу. Земледельческие *джати* неспециализированные, и их названия в большинстве своем представляют собой этнонимы и клановые имена, сохраняющие память о добрахманическом прошлом включенных в варновое общество земледельческих общин и племен Индии. Они фактически составляли основной хозяйственно-культурный тип населения Индии в момент соприкосновения с ариями, и уже индоарии были в массе своей оседлые земледельцы. Буддийские источники от эпохи санскритизации стран Саураштра, Лата и Анарта, находившихся на территории современного Гуджарата, дают информацию о слое населения, который назывался *талапада* (*tālapāda*, букв. «люди “от сохи”») [Majmudar 1965: 14]. Эти земледельческие общины, в числе которых можно назвать доарийские племена *бхил* (*Bhīl*), *мина* (*Mīnā*), *коли* (*Kolī*) и многие другие, во всех отношениях нужная обществу категория, отнесены к низшим слоям шудра, и даже ранние буддисты, как видим, именуют их по хозяйствен-

но-культурному типу. Положение шудр в брахманических текстах детально не обсуждается: брахманы видят только дваждырожденных. Неудивительно, что шудры создали свой мир *бхакти* и внимательных к их проблемам учителей-проповедников. Однако вслед за брахманами наука называет этот мир эклектичных религиозных учений и целый социальный слой, в котором эти учения царят, «сектами» индуизма.

Земледельческие кастовые общности численно преобладают и сегодня. Ремесленные и торговые, а также так называемые обслуживающие касты связаны с профессиональной специализацией, развившейся в среде земледельцев и характерной для этапа второго общественного разделения труда. В этой среде профессиональная специализация очень узкая, и разных *джати* множество. *Джати* узкоспециализированного типа входят в состав третьей и четвертой варн. К четвертой варне относятся также безземельные сельскохозяйственные батраки и всевозможные наемные работники, появление которых с точки зрения экономики представляет собой результат дальнейшей имущественной стратификации. Племена охотников, собирателей и рыболовов тропического пояса в составе кастового общества испытали целый спектр преобразований: они просматриваются среди кастовых общностей всех варн (кроме брахманской, хотя и в нее вошли отдельные жреческие линиджи «лесных племен»), но верно и то, что сегодня множество *джати* четвертой варны и практически вся категория «неприкасаемых» происходят именно от племен охотников и собирателей тропического пояса. Среди них есть такие, кто сохранил свой традиционный образ жизни практически в неизменной форме до настоящего времени.

Рядом находился оседлый земледельческий мир, мир крестьян и горожан-ремесленников, роскошных рафинированных дворов правителей и грандиозных храмов, которые представляли собой центры религиозного культа и учености и обладали огромными земельными владениями и движимыми богатствами, создаваемыми приписанными к храмам ремесленниками и принесенными в виде пожертвований паломниками. Этот мир имел какие-то экономические контакты с неоседлым миром. Но чаще подвергался опустошительным набегам со стороны «несанскритизированных» представителей леса и степи, вооруженных иногда только бамбуковыми луками, бумерангами и дубинками. Неземледельческие племена были мобильными и предприимчивыми

и на определенном этапе истории стали видеть пользу для себя в том, чтобы отвоевать кусок территории, установить свою власть и собирать подати с мирных крестьянских общин. Заботясь о своем так образовавшемся государстве, они укрепляли армии, вступали в сложные взаимоотношения с торговцами, в том числе с европейскими компаниями, крупными землевладельцами и брахманами, которые опять начинали их «окультуривать», уже который раз в истории. Например, подобная повторная санскритизация произошла с маратхами в ходе их исторического противостояния с могольскими правителями и европейскими завоевателями. «Скотоводы нуждались в продуктах земледелия и получали их либо путем обмена, либо путем захвата, либо развитием самостоятельной земледельческой отрасли, хотя и в ограниченном масштабе. В настоящее время подавляющее большинство бывших скотоводов-кочевников перешло к оседлости, к отгонному и стойловому содержанию скота, к развитию зерновых и технических культур» [Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 111].

Это движение к оседлости и земледелию происходило в условиях кастового строя особым образом. Оно дало семейным общинам и племенам не столько социальный прогресс, как его понимает эволюционная теория, сколько место в иерархии варн со всеми вытекающими из положения в варнах неизменными социальными привилегиями и обязанностями. Например, тем кланам и *джати* кочевников-скотоводов, которые завоевали себе место в варне кшатриев, при оседании на землю полагалось быть землевладельцами-правителями, и общество должно было обеспечить им этот статус. И оно обеспечило: эти кшатрии обзавелись в обмен на предоставляемую ими «защиту брахманов, женщин и коров», общин и государства земельными владениями, вместе с работающими на них крестьянами. Напротив, клановые общины и *джати* крупных землевладельцев из числа земледельческих народов чаще всего оказывались в варне *шудра* со всеми вытекающими последствиями. Даже очень богатые и благополучные, они не могли получить образование, участвовать в управлении, совершать обряды без брахмана, даже пользоваться определенными видами одежды и т. д. Это положение дел казалось странным уже в средние века, и борьба земледельческих слоев за свои права принимала формы выстраивания каких-то изощренно сложных статусных схем взаимодействия между ними, воинами-

кшатриями — вчерашними «мародерами» и брахманами, обитающими на свободных от налогообложения лучших земельных угодьях и руководящими социально-экономическими процессами. Моральный императив «поддержания *дхармы*» требовал учитывать интересы всех, кто находится на земле по Божьей воле, кроме пятых *аварна*, которым доставалось то, на что не претендуют остальные.

По мысли брахманских идеологов, не только в начале санскритизации, но и в средние века, и в новое время, даже в XVII–XIX вв., все клановые общины должны были получать «место кормления» в соответствии со своим варновым статусом. Кшатрия нельзя было «выгнать» и заместить разбогатевшим шудрой. Поэтому пусть *шудра* остается земледельцем и работает на чужой земле. Если у *шудр* почему-то много земли в руках — например, родственные кланы сохранили компактно расположенные старинные владения — они не могут править на ней сами, их лидеры пусть пригласят кшатрия-воина (какой уж есть в данное время и в данной местности: вчерашний разбойник, пастух без стада, пришлый вооруженный отряд) и пусть поселят брахманов — для освящения этого участка «территории *дхармы*». «Неприкасаемый» пусть вообще ни на что не претендует — его очередь радоваться жизни наступит в следующем рождении.

Брахманическая санскритизация принимала формы государственного строительства и государственной идеологии, и это хорошо видно по фактам истории страны. Кастовая идеология остается действенной и сегодня, и моделируемые ею статусные схемы взаимоотношений в современных обстоятельствах горячо оспариваются многими разбогатевшими и доминирующими в кастовых общинах многочисленными в своем регионе землевладельческими кастами, такими как, например, (*в*)*оккалига* Карнатаки, благополучными, но имеющими невысокий ритуальный и кастовый статус. Сегодня доминирование землевладельцев проявляется во всех сферах жизни, и так смело, что они могут потеснить брахманов с их идеями. В таком случае землевладельческие касты требуют для себя кшатрийский статус — как земельная аристократия, «правители».

Линейная корреляция социально-экономического и кастового статусов считается неоспоримой данностью индийской истории. Но, как видим, эта корреляция еще более сложная, она восходит к архаическим и даже первобытным способам общественного

разделения труда и выражается в статусных терминах варны, унаследована из далекого прошлого в неизменной форме и носит ритуализованный характер, а настоящее социально-экономическое положение входящих в варны каст и *джати* может радикально отличаться от «ожидаемого». Варновый статус и поныне определяет всю парадигму взаимоотношений в кастовом обществе; при нынешнем уровне социально-экономического развития многие *джати* считают собственный статус неприемлемым и даже унижительным. В этом обстоятельстве лежит причина высочайшей политизированности современного института касты.

Посмотрим на этнокастовые общности Индии и их варновые статусы в историческом ракурсе.

Этнокастовые общности пашенных земледельцев жаркого пояса, варновый статус шудра.

Земледелие не является специализированным занятием конкретных *джати* и каст, но оно ставит занимающиеся обработкой земли общины в положение *шудр*, так как считается базовой статусной характеристикой четвертой варны. В сложном технологическом процессе земледельческого труда выделяются отдельные этапы, для выполнения которых есть свои специалисты. Пахота как таковая, работа с плугом, считается специализированным занятием отдельных кастовых групп, название которых производно от слова «плуг», например *хали*. Есть специализация по видам выращиваемых культур, особенно зеленных и овощных, масличных и садовых, а также цветов и пряностей. Например, выращивание куркумы — чрезвычайно непростой вид земледелия, практически ручной мотыжный, и на нем специализируются бывшие племена, ставшие земледельцами, такие как *бхилы* (Bhīl) или *кхонд* (Khoṇḍ) Ориссы. Множество *джати* специализируется на культивации пальм, и это тоже особый, очень первоначальный по характеру вид земледелия, когда вся работа на земле состоит в выкапывании колодца под посадку этой пальмы и ее дальнейшем поливе. Но последующие операции сбора и переработки продуктов кокосовой и пальмировой пальм относят этот вид профессиональной деятельности к хозяйственно-культурному типу охотников и собирателей лесов влажного тропического пояса.

Речные долины и дельты Коромандельского побережья Тамилнада и Карнатаки, а также приморская полоса Малабарского побережья в Керале — влажные тропики. В этих районах земле-